

Анастасия
Шерр

18+

МОЛОХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БОНУС

Анастасия Шерр

Молох. БОНУС!

<https://litres.ru/74400954>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я видела, как Елисей остался истекать кровью на снегу. Слышала выстрел. Уехала, потому что должна была спасти нашу дочь. И целые сутки оплакивала мужчину, которого любила одиннадцать лет. А потом поняла страшное. Я не видела, как он умер. Молох слишком упрямый, чтобы просто взять и сдохнуть. Поэтому я возвращаюсь в тот лес. Где осталась его кровь. К волчьим следам. К последней надежде, которая может уничтожить меня окончательно. Если Елисей жив, я больше от него не уйду. Только наша война ещё не закончена. И тот, кто однажды уже отнял у нас десять лет жизни, возвращается, чтобы забрать последние.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анастасия Шерр

Молох. БОНУС!

МОЛОХ
БОНУС

ГЛАВА 1

За восемнадцать часов я ни разу не сняла куртку. Так и лежала поверх гостиничного покрывала, свернувшись улиткой лицом к стене, а под щекой шуршал жёсткий ворот. В комнате было душно, батарея жарила так, что пересохли губы, но меня продолжало трясти от холода. Стоило закрыть глаза, как передо мной снова вставал лес. Елисей заслоняет нас собой, кровь быстро пропитывает ткань, его пальцы вкладывают ключи в мою ладонь, а потом он целует меня и приказывает бежать. Последним я помнила не выстрел. Последним оставался его голос, слишком спокойный для умирающего человека, и слова благодарности за дочь, которую он успел назвать своей всего несколько минут назад.

Есения сидела на полу возле кровати и ела остывшую картошку из картонной коробки. Она тоже не переоделась до конца, только стянула мокрые джинсы и натянула гостиничный халат поверх футболки. На колене темнела ссадина, на запястье проступили синеватые следы чужих пальцев, а я смотрела на них и понимала, что всё это время ребёнок заботится обо мне, хотя должно быть наоборот. Она принесла воду, заставила администратора найти аптечку, заказала еду и несколько раз проверила замок. Я же лежала и позволяла себе разваливаться на части, потому что была уверена, что самое страшное уже произошло и исправлять больше нечего.

— Мам, ты хотя бы воды выпей.

Я протянула руку к стакану только потому, что в её голосе появились взрослые нотки, которых там не должно было быть. Сделала два глотка и едва удержала воду. Желудок свело, во рту появился привкус металла, и я снова увидела кровь на снегу. Еся забрала стакан, аккуратно поставила на тумбочку и забралась ко мне на кровать. Обычно она не любила тесниться, возмущалась, если я лезла обниматься без разрешения, но сейчас сама прижалась плечом и долго молчала.

— Ты видела, как он умер?

Вопрос прозвучал тихо, почти буднично, и именно поэтому дошёл не сразу. Я уже открыла рот, собираясь сказать, что видела, но слова застряли в глотке.

Я видела, как он истекает кровью. Видела, как с трудом поднимается навстречу Сенину. Слышала ещё один выстрел, когда мы с дочерью пробирались сквозь кусты. Но я не возвращалась. Не трогала его шею, не искала пульс, не смотрела, перестала ли подниматься грудь. Я решила, что он погиб, потому что после такой раны люди не встают, не идут и уж точно не остаются один на один с вооружённым человеком.

— Нет, — выдохнула я и села так резко, что перед глазами поплыло. — Я не видела.

Есения вскинула голову. В её серых глазах вспыхнула надежда, страшная своей хрупкостью, и я сразу заставила себя не врать. Объяснила, что крови было слишком много, что

Сенин остался жив и мог вернуться. Дочь слушала, сжав губы, а потом слезла с кровати и потянулась к своим вещам. Мне пришлось поймать её за руку.

— Ты останешься здесь.

— Нет. Я поеду с тобой.

Она дёрнулась, пытаясь освободиться, но я не отпустила. Второй раз тащить ребёнка в тот лес я не собиралась. Оставить одну в гостинице тоже не могла, как бы убедительно администратор не обещал следить за дверью. Сенин видел машину, знал Володю, знал дом его матери и слишком долго жил охотой на людей, чтобы я рассчитывала на обычный замок. Нужен был человек, которому Еся доверяет и чьё нынешнее местонахождение Сениным неизвестно.

Я спустилась в холл и попросила разрешения воспользоваться служебным телефоном. Наши с Есей смартфоны остались сломанными в придорожном кафе, а купить новый после побега я не успела. Номер Володи набрала по памяти. Гудки тянулись один за другим, и с каждым становилось тяжелее. После всего, что я сделала, он имел право не отвечать, удалить меня из своей жизни и никогда больше не произносить моего имени.

— Алло.

— Володь, это Соня.

В динамике стало тихо. Я слышала только его дыхание, чуть сиплое, и далёкий шум телевизора. Потом он спросил про Есению. Ни слова обо мне, ни одного упрёка. Я расска-

зала главное. Что дочь жива. Что Сенин тоже. Что Елисей мог остаться в лесу тяжелораненым и я должна вернуться. Пока говорила, видела своё отражение в тёмном стекле стойки. Бледное лицо, спутанные волосы, засохшая кровь возле виска. Раньше Володя бросился бы спасти меня от любого решения. Сейчас просто слушал.

— Где вы?

Я назвала гостиницу и добавила, что его дом, квартира матери и больница больше не подходят. Володя ответил, что после выписки сам не вернулся домой. Он снял небольшую квартиру через коллегу, без договора на своё имя, и даже Инне Эдуардовне пока не сообщил адрес. Впервые его осторожность не показалась мне трусостью. Я попросила забрать Есю туда и никому не открывать, пока не позвоню.

— А ты опять поедешь к нему, — сказал он без вопроса.

— Да.

— А если найдёшь мёртвым?

Я сжала трубку двумя руками. Правильного ответа не было. Мёртвого я всё равно не оставлю одного на снегу. Живого тем более. Володя понял по моему молчанию и сказал, что выезжает. Никаких обещаний простить, никаких попыток удержать. Только попросил не исчезать ещё на десять лет и дать дочери знать правду, какой бы она ни оказалась.

Он приехал через два с половиной часа на сером арендованном внедорожнике. Синяки на лице уже пожелтели, рассечённая губа затянулась, но двигался Володя осторожно и

при каждом глубоком вдохе морщился. Есения бросилась к нему ещё в коридоре. Он обнял её так крепко, будто собирался удержать не только ребёнка, но и всю прежнюю жизнь, которая рассыпалась за несколько дней. Я стояла возле двери и не мешала. Ни кровь, ни фамилия, ни чужая любовь не могли отменить того, что этот мужчина растил мою дочь с рождения.

— Я снял квартиру на другом конце города, — сообщил Володя, когда Еся ушла собирать рюкзак. — Машину возле дома не ставлю. Сюда приехал на прокатной, а обратно закажу такси через коллегу. Возьми её. Чёрный джип оставим на закрытой стоянке гостиницы, его наверняка уже ищут.

— Спасибо.

Он посмотрел на меня долго и устало. Мне хотелось попросить прощения сразу за всё, но это прозвучало бы слишком удобно. Володя не обязан был облегчать мою вину, пока сам едва держался после встречи с Молохом. Я только сказала, что не позволю Елисею снова причинить ему вред. Слова получились странными, потому что сейчас я собиралась спасти человека, который избил моего мужа, а ребёнка доверяла именно мужу. В нашей жизни давно не осталось простых правых и виноватых.

— Найди его, Соня, — тихо ответил Володя. — И наконец реши, с кем ты живёшь. Не на бумаге. По-настоящему.

Есения вышла с рюкзаком и большим пакетом еды, которую заставила меня взять с собой. Перед уходом она обня-

ла меня, потом сунула в ладонь чёрную кожаную перчатку. Я нашла её в кармане двери джипа и сразу узнала. Елисей всегда бросал вторую где попало, а потом злился, будто виноваты все вокруг.

— Отдашь ему, когда найдёшь.

— Когда найду, — повторила я, не позволив себе поставить перед этими словами «если».

Я проводила их до такси, дождалась, пока машина скроется за поворотом, и только после этого забрала ключи от серого внедорожника. На заправке купила недорогой смартфон и новую сим-карту за наличные, сразу отключила геолокацию и позвонила Володе. Новый номер знали только он и Есения. Потом закрыла чёрный джип на гостиничной стоянке и выехала к лесу. Теперь горе не тянуло меня на дно. Оно превратилось в злость, горячую и ясную. Если Елисей был жив, я вытащу его. Если погиб, найду того, кто не дал ему вернуться к дочери.

ГЛАВА 2

Пистолет лежал там, где Сенин швырнул его после последнего выстрела. Я запомнила это место по кривому дорожному знаку и сломанной берёзе, хотя тогда смотрела в зеркало через слёзы и почти не видела дороги. За ночь оружие припорошило снегом. Пришлось несколько минут шарить руками вдоль обочины, пока пальцы не наткнулись на ледяной металл. Я вытащила магазин, как когда-то показывал Елисей, убедилась, что патроны ещё есть, и убрала пистолет в боковой карман рюкзака. Брать его не хотелось, но возвращаться в лес без оружия было ещё глупее.

До поляны добралась пешком. Серый внедорожник спрятала между соснами в стороне от дороги и накрыла переднее стекло белой тканью, найденной в багажнике. Свежий снег почти стёр следы вчерашней бойни, зато тишина стала плотнее. Ни птиц, ни треска веток, ни далёкого мотора. Только мои шаги и дыхание, которое всё время сбивалось, стоило вспомнить, как Елисей стоял здесь перед Сениным, едва держась на ногах.

Тел не было. Иван исчез, как и мужчина, которого разорвала стая. Возле дерева остались глубокие борозды, будто кого-то тащили к дороге, а под свежим снегом проступали тёмные пятна. Я заставила себя смотреть внимательно. Сле-

ды нескольких ботинок уходили к месту, где вчера стояли машины Сениных. Значит, Паша вернулся за братом и своими людьми. Но возле пятна крови Елисея человеческих следов почти не было. Там всё истоптали волчьи лапы.

Я опустилась на корточки и разгребла снег. Под ладонью обнаружилась замёрзшая корка, большая, неровная, почти чёрная. На секунду меня снова повело, но я не позволила себе упасть рядом и выть. Есения ждала звонка. Володя рисковал ради нас. А Молох, если ещё дышал, не нуждался в моих слезах. Ему требовалось, чтобы я наконец начала соображать.

За деревом нашлись две параллельные борозды и широкий след гусеницы. Снегоход прошёл совсем близко к месту, где лежал Елисей. След петлял, уходил к ручью, потом терялся под свежей порошей. Мёртвого человека тоже могли увезти на волокушах, но люди Сенина тащили тела в другую сторону, к дороге. Тот, кто забрал Молоха, пришёл из леса.

Я шла медленно, проверяя каждую сломанную ветку и уплотнение на снегу. Несколько раз сбивалась, возвращалась к последнему заметному отпечатку, снова находила направление. Через час ноги налились тяжестью, спина вспотела под курткой, а пальцы онемели даже в перчатках. След вывел к мелкому ручью. По льду тянулись редкие царапины от полозьев, затем гусеница снова появилась на старой лесовозной дороге.

Возле сосны висела выцветшая жёлтая табличка с номе-

ром обхода. Стрелка показывала в сторону кордона. До него оставалось немного больше трёх километров. Я достала телефон, но сигнала не было. Володя знал, куда я поехала, и обещал поднять тревогу, если не свяжусь до вечера. Этого было мало, зато впервые за сутки я не оставляла дочь одну и не исчезала без следа.

Крыша показалась между деревьев ближе к полудню. Низкий бревенчатый дом стоял возле расчищенной площадки. Рядом темнел сарай, под навесом виднелся старый снегоход, а возле стены лежали пластиковые волокуши с засохшими бурыми разводами. Я остановилась, не чувствуя усталости. Все сомнения исчезли. Елисей был здесь хотя бы ночью.

Слева хрустнула ветка. Я сунула руку в рюкзак, но не успела достать оружие. Между соснами стоял огромный серый волк. На морде пробились седина, шерсть на шее стала темнее, тело казалось вдвое крупнее того серебристого комка, которого я когда-то притащила за пазухой в наш дом. Узнала я его не по окрасу. По глазам и привычке слегка склонять голову, будто он сначала слушает, а уже потом решает, можно ли человеку приблизиться.

— Волчонок.

Имя прозвучало нелепо рядом со взрослым зверем, способным одним рывком повалить меня в снег. Волк не двинулся. Только посмотрел на дом, затем снова на меня. В груди поднялось такое резкое, болезненное облегчение, что пришлось прижать ладонь к губам. Он не привёл бы егеря

к мёртвому человеку, не лежал бы возле пустого места и не караулил кордон второй день.

— Он там, да?

Волк развернулся и бесшумно ушёл между деревьями. В ту же секунду дверь дома открылась. Пожилой мужчина в ватнике поднял карабин и приказал не двигаться. Я медленно показала пустые руки, назвала своё имя и сказала, кого ищу. Высокого мужчину лет сорока, с татуировкой кобры на руке и пулевой раной под ключицей. Егерь несколько секунд изучал моё лицо, потом спросил, кем раненый мне приходится.

Я могла ответить по-разному. Бывший любимый. Отец моей дочери. Мужчина, которого предала и которого всё равно не смогла разлюбить. Враг, вернувшийся за мстостью. Ни одно слово не помещало в себя нашу жизнь целиком.

— Мой человек, — сказала я. — Единственный.

Карабин медленно опустился. Старик отступил от двери и пропустил меня внутрь. В доме пахло дровами, спиртом и лекарствами. На спинке стула висели чёрные брюки, на полу стояли тяжёлые ботинки, возле печки сохла рубашка с разрезанным рукавом. Куртка Елисея лежала на лавке. Вся правая сторона была жёсткой от крови.

Я вошла в маленькую комнату и сначала решила, что всё равно опоздала. Елисей лежал неподвижно, кожа стала сероватой, губы потрескались, грудь туго перетягивала чистая повязка. Потом одеяло едва заметно поднялось. Я схвати-

лась за косяк, потому что ноги больше не держали. Он дышал, и одного этого хватило, чтобы мир вокруг снова обрёл звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.